

Епископат и военно-служилая знать в России XVI в.

Андрей Усачёв

Episcopate and military service nobility in Russia of the 16th century

Andrey Usachev

(*Russian State University for the Humanities, Moscow;*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)

DOI: 10.31857/S086956872204001X, EDN: FYMTMG

В России периода Средневековья и раннего Нового времени постриг принимало значительное число лиц, представлявших все слои населения, но иерархами становились единицы. Пожизненный статус архиерея, подкреплённый соответствующими финансовыми и административными возможностями, придавал его носителю социальный «вес» ничуть не ниже члена Боярской думы¹. При этом, в отличие от погружённых в самую гущу политических событий членов Государева двора и тем более Боярской думы, архиереи в целом оказывались более устойчивы к стремительно меняющейся придворной конъюнктуре и капризам самодержца, временами «перебивавшего людишек» даже самого знатного происхождения. Неизбежен вопрос: в какой мере эта заманчивая социальная перспектива побуждала русских аристократов обращать взор в сторону Церкви? В поисках ответа обратимся к персональному составу архиереев XVI столетия, но прежде выясним, сколько в Русской церкви того времени было архиереев знатного происхождения.

За этот период различные кафедры Московской митрополии занимали не менее 120 архиереев (некоторых поставили в XV в., иные скончались уже в XVII в.). С той или иной степенью гипотетичности статус устанавливается у 35 лиц. Из среды служилых «по отчеству» вышли 13 архиереев (несколько больше трети). Хотя эта цифра и уступает числу иерархов, вышедших из белого духовства (19), она значительна. Каков был их статус в миру?

Характеризуя рассматриваемую группу, обращу внимание на исключительно важный социальный факт: большинство из этих иерархов происходили из провинциальных служилых родов средней руки, некоторые представляли старомосковскую знать. Таковы в XV–XVI вв. Заболотские (смоленский епископ Гурий в 1539–1555 гг.), Курцевы (новгородский архиепископ Серапион в 1551–1552 гг.), Пушкины (сарский и подонский епископ Варлаам в 1583–1586 гг.), Сандыревы-Полевы (казанский архиепископ Герман в 1564–1567 гг.),

© 2022 г. А.С. Усачёв

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218.

¹ Судя по размеру вкладов архиереев, их финансовый потенциал сопоставим с возможностями членов Боярской думы. Так, московский митрополит Даниил только в Иосифо-Волоколамский монастырь дал вкладов не менее чем на 590 руб.; суздальский, а затем полоцкий владыка Трифон (Ступишин) – на 500 руб.; тверской владыка Акакий – на 310 руб.; рязанский епископ Леонид (Протасов) – на 1 240 руб. (*Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 146).

Санины (ростовский архиепископ Вассиан в 1506–1515 гг.), Скрипицыны (митрополит Иоасаф в 1539–1542 гг.), Стремоуховы (суздальский епископ Семион в 1509–1515 гг.), Ступишины (суздальский епископ в 1549–1551 гг., полоцкий архиепископ Трифон в 1563–1566 гг.), Топорковы (коломенский епископ Вассиан в 1525–1542 гг.) и Хворостинины (казанский архиепископ Тихон в 1575–1576 гг.). Выходцы из этих родов не только не получали думных чинов², но и далеко не всегда входили в состав Государева двора. Значимые служебные назначения были для них редкостью (самое заметное исключение – царский казначей Н.А. Фуников-Курцев).

Часть архиереев в миру принадлежала к аристократическим родам – княжеским – кн. Стригины-Оболенские (тверской епископ Вассиан в 1477–1508 гг.), старомосковским – Кольчевы (митрополит Филипп в 1566–1568 гг.) и выехавшим из-за рубежа – Траханиоты (тверской епископ Нил в 1509–1521 гг.). Их представители входили в Боярскую думу. Впрочем, за исключением кн. Оболенских, речь не шла о родах, её формирующих. Лишь отдельные – сравнительно немногочисленные – Кольчевы и Траханиоты – получали думные чины. Несмотря на личное, порой немалое влияние отдельных представителей этих родов, их политический и социальный вес в целом несопоставим с влиянием кн. Патрикеевых, Мстиславских, Воротынских, Шуйских, Курбских, Сицких. По уровню влияния и богатства они уступали и родам старомосковской знати – Челядниным, Захарьиным-Кошкиным, Шереметевым, Морозовым, Сабуровым.

Эта картина в корне отлична от той, что имела место в странах латинского Запада. Ещё с эпохи поздней Античности ядро епископата здесь составляли выходцы из имперской или местной знати (сенаторы и куриалы)³. Социальный состав руководителей католической Церкви в период Средневековья также был весьма аристократичен. Это обуславливалось тем, что майорат лишал или, по крайней мере, значительно ограничивал социально-экономические и политические перспективы младших отпрысков даже самых знатных и влиятельных родов. Стремясь сохранить дарованное происхождением положение в обществе, младшие сыновья, а иногда и располагавшие ещё более туманными социальными перспективами бастарды простых рыцарей, аристократов, а порой и монархов нередко вынужденно избирали духовную карьеру. Самое общее представление о соотношении наиболее образованных представителей (как правило, младших) родов европейской знати, избравших церковную карьеру, и тех, кто остался в миру, дают сведения о выпускниках старейших английских университетов – Оксфорда и Кембриджа. До конца XV в. их закончили 88 человек из английской титулованной знати. Из них лишь шестеро остались мирянами⁴.

Ряд значимых английских, французских, испанских, итальянских, немецких, польских, литовских, венгерских и шведских родов (включая королевские) «отметился» по меньшей мере одним-двумя епископами, архиеписко-

² Лишь в самом конце XVI в. один из Пушкиных – Евстафий Михайлович – после почти 30-летней службы сумел занять низшую ступень в иерархии Боярской думы, став думным дворянином (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 64).

³ *Rapp C.* Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in a Time of Transition. Berkeley, 2005. P. 183–195.

⁴ *Стасевич В.А.* Титулованная знать при ранних Тюдорах. СПб., 2020. С. 265.

пами и кардиналами. В некоторых землях Германии ограничивался доступ на вершину церковной иерархии выходцев не только из простолюдинов, но даже из семей низшего дворянства, и это привело к тому, что, по словам Т.Н. Таценко, к XVI в., а скорее даже и раньше, церковные капитулы в Германии приобрели закрытый аристократический характер, туда допускались члены семей лишь высшего титулованного дворянства, княжеских родов⁵. Среди иерархов без труда обнаруживаются выходцы из таких родов как Альба, Мендоса, Гонзага, Плантагенет, Стаффорд, Бофорт, Амбуаз, Бурбон, Гиз, Ришельё, Нассау, Изенбург, Гогенцоллерн, Виттельсбах, Меттерних, Ваза, Гедройц, Гольшанские, Радзивилл, Кишка, Конецпольские, Сапега, Тышкевич, Чарторыйские, Ягеллон и Батори.

Избирая римских пап, конклав (его члены порой зарабатывали на продаже голосов на выборах состоятельным кандидатам), как правило⁶, предпочитал потомков наиболее знатных и состоятельных родов (по преимуществу итальянских) — Бофор, Колонна, Борджиа, Медичи и др. Из едва ли не самого знатного и влиятельного римского рода эпохи Средневековья и Нового времени — Орсини — вышли пять римских пап и около трёх десятков кардиналов. Для более раннего и более позднего периода в целом характерна та же тенденция. В ряде случаев происхождение избавляло отпрысков знатных родов от восхождения по всем ступеням духовной иерархии — епископами и кардиналами они нередко становились, едва достигнув дееспособного возраста, а порой и раньше.

В России XVI в. сложилась принципиально иная ситуация: выходцев из аристократии в составе епископата оказались единицы. С чем это могло быть связано? Безусловно, немалую роль играла традиция. Тесная генеалогическая связь церковной и политической элит никогда не была характерна для Русской церкви. Во многом это обуславливалось традициями Восточной Церкви, где, в отличие от Западной, в гораздо большей степени действовали меритократические критерии отбора кандидатов на замещение вакантных кафедр. Сращиванию политической и церковной элит в период создания и первых столетий существования Русской митрополии не способствовало и то, что значительная часть архиереев присылалась из Константинополя. В домонгольский период из 23 митрополитов лишь двое — Иларион и Климент Смолятич — не являлись греками. Имели греческое происхождение и некоторые епископы (особенно в первые десятилетия после крещения Руси)⁷.

Из 121 известного нам архиерея в XIV—XV вв. (имеющиеся перечни содержат ряд лакун) происходили из знатных родов очень немногие. Тверской епископ Андрей (1289—1316) являлся сыном литовского князя Герденя, некоторое время правившего в Полоцке. Митрополит Алексий (1354—1378) происходил из известного московского боярского рода Бяконтовых. Возможно, ростовский архиепископ Арсений (около 1370 г.) являлся потомком ростовских князей (характер его родства с известными представителями этого княжеского

---

⁵ Таценко Т.Н. Немецкое дворянство XVI в. // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 164.

⁶ Речь идёт о преобладающей тенденции. Отдельные папы не могли похвастаться знатными и состоятельными родичами. Например, Николай V (1447—1455) был сыном врача. Явно не принадлежали к аристократии Адриан VI (1522—1523) и Пий V (1566—1572).

⁷ Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 169—179, 191—213.

рода до конца не ясен)⁸. К разорившемуся роду ростовских бояр принадлежал ростовский архиепископ Фёдор (1390–1395). Из среды небогатых вотчинников Солигалича вышел рязанский епископ (между 1410 и 1431–1448 гг.), а затем митрополит всея Руси (1448–1461) Иона. Выходцем из землевладельцев Углича являлся его преемник на митрополичьей кафедре Феодосий (Бывальцев) (1461–1464). Тверской владыка Геннадий (Кожин) (1461–1477) происходил из кашинского служилого рода средней руки. Самыми знатными архиереями XV в. были выходцы из рода служилых кн. Оболенских – ростовский архиепископ Иоасаф (1481–1488) и тверской епископ Вассиан (1477–1508). Даже принимая во внимание то, что происхождение большинства руководителей Церкви неизвестно – источниковая база по XIV–XV вв. существенно скромнее, нежели по последующему периоду, – очевидно, что девять архиереев из не менее чем 121 – не так много.

Однако традиции было недостаточно для игнорирования знатными лицами духовной карьеры, дающей исключительно высокий статус, относительную стабильность положения и немалые возможности. В XVI в. численность знати резко возросла, в то время как материальное благосостояние большинства её представителей существенно снизилось. Тем не менее и тогда «честные мужи», судя по числу архиереев из их числа, в отличие от своих европейских визави, не слишком стремились покорять вершину церковно-административного олимпа. Обращу внимание на социальные причины, по которым, на мой взгляд, подавляющее большинство представителей русской знати не желало принимать постриг в раннем возрасте и с течением времени становиться архиереями⁹ (уход от мира в старости был общей практикой).

В условиях отсутствия майората земельные владения представителей русской знати могли многократно дробиться (запрет на подобную практику ввёл лишь указ Петра I о единонаследии 1714 г.). Плодовитость русских аристократов приводила к тому, что уже через несколько поколений многочисленные потомки даже Рюриковичей – наследников великих и удельных князей XIII–XV вв. – с экономической точки зрения мельчали. В XV–XVI вв. наблюдаем многие десятки и даже сотни взрослых представителей родов или пронизанных родственными связями территориальных корпораций (ростовской, ярославской, суздальской, стародубской и др.). Слова Ивана IV во Втором послании кн. А.М. Курбскому о том, что «Божиим милосердием... у меня *Прозоровских было не одно сто* (курсив мой. – А.У.)»¹⁰, отражали не только его презрительное отношение к служилым людям даже очень знатного происхождения, но и генеалогическую реальность.

Источники XV–XVI вв. упоминают 672 потомков ярославских князей (Курбских, Прозоровских, Сицких, Ушатых, Шаховских). Подавляющее большинство из них служило московским великим и удельным князьям. Аналогичную картину дают результаты исследования генеалогии многочисленных в XV–XVI вв. кн. Оболенских (Курлятевых, Репниных, Стригиных, Телепнёвых):

⁸ *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 2. СПб., 1891. С. 52–54.

⁹ О продолжительности иноческого «стажа» и возрасте, в котором, как правило, в России XV–XVI вв. становились руководителями Церкви, см.: *Усачёв А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Российская история.* 2017. № 5. С. 106–109.

¹⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979. С. 104.

источники упоминают не менее 339 представителей этого рода, в большинстве состоящих на службе московских князей¹¹. Многочисленны были и роды нетитулованной знати. Например, одних только взрослых мужских представителей рода Пушкиных в XVI в. насчитывалось не менее 90¹². Счёт отпрыскам даже сравнительно малочисленных родов также шёл на десятки. Источники конца XV–XVI вв. фиксируют 22 представителей не самых многочисленных кн. Палецких¹³.

Очевидно, что в подобной ситуации независимо от размера земельных владений родовой корпорации в целом, о сохранении прежнего объёма земельных владений большинством потомков даже некогда крупных землевладельцев речи не шло. С этим и связано то, что, судя по дошедшим источникам, русская знать не отличалась расточительством, характерным для элиты Англии, Франции или Польско-Литовского государства. Дело не только в природной скромности или какой-то особой склонности к аскезе русских аристократов — у подавляющего большинства из них просто не было достаточных средств. Тесть кн. Ивана Меньшого Михайловича Мезецкого — состоятельный благовещенский протопоп, духовник Василия III Василий Кузьмич — «кормил» зятя 13 лет. Необходимые князю для службы доспехи, коней, одежду ему лично и его боевым холопам приобретал тесть, вдобавок к тому потративший не менее 1 тыс. руб. на покрытие долгов и выкуп владельческих прав у родичей своего знатного, но обедневшего зятя¹⁴. Как сообщает С. Герберштейн, выходец из рода ярославских князей И.И. Засекин, «который от имени своего государя был послом у цесаря Карла в Испаниях... был настолько беден, что взял займы... на дорогу платье и колпак»¹⁵. Порой даже члену Боярской думы не хватало средств на то, чтобы снарядить на «государеву службу» себя и своих боевых холопов. Одному из кн. Шуйских — Александру Борисовичу Горбатову (в недалёком будущем *de facto* командующему в победоносном Казанском походе 1552 г.) — в 1540-е гг., снаряжаясь в поход, пришлось заложить платье жены¹⁶. Роскошь стала входить в быт русского аристократа позднее — во второй половине XVII в.¹⁷ Однако при этом значительная часть потомков измельчавших родов вотчины (порой весьма незначительного размера) всё-таки наследовали. Тем самым они сохраняли свой дарованный происхождением статус, если не имущественный, то, по крайней мере, социальный.

Другое обстоятельство, оказавшее существенное — возможно, определяющее — влияние на социальный состав русского епископата и церковной элиты

---

¹¹ Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 19–137.

¹² Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 92–120.

¹³ Сергеев А.В. Политическая деятельность и землевладение княжеской аристократии Московского государства XVI в.: князья Палецкие // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3(77). С. 43–59.

¹⁴ Назаров В.Д. Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлёвского сообщества // Кремль в истории России: к 500-летию Александровского кремля. Материалы международной научно-практической конференции, 11–13 ноября 2013 г., г. Александров. Т. 1. Владимир, 2014. С. 13–14.

¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 359.

¹⁶ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 82–83.

¹⁷ Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 491–494.

в целом. Сравнительно недавно сложившееся Русское государство остро нуждалось в служилых людях для обслуживания его военных и административных нужд, резко возросших во второй половине XV в. В условиях Средневековья это были служилые люди «по отечеству», на протяжении ряда поколений несшие военную и административную службу. Именно представители этого слоя в эпоху Средневековья составляли главную ударную силу армий всех государств Европы – тяжеловооружённую конницу рыцарского типа («кованую рать» русских источников XV–XVII вв.).

В Русском государстве численность русских «честных мужей» в период Средневековья была заметно ниже, нежели число дворянства крупнейших государств Западной и Центральной Европы. Среди прочего это обуславливалось общей скудостью демографических ресурсов в стране в то время. Численность её населения в XVI в. историки оценивают от 2,5–2,9 до 8–11 млн человек¹⁸. Во Франции середины XVI в. проживало около 18 млн человек. Численность населения не самой крупной страны Европы – Венгрии – в XVI в. составляла около 3–3,5 млн человек, Польши (без Великого княжества Литовского) к 1500 г. – 7,5 млн, в 1650 г. – порядка 11 млн человек¹⁹.

Однако дело было не столько в численности населения страны, сколько в нехватке людей того слоя, в представителях которого так нуждался великий князь. В России на начало XVI в., согласно С.Б. Веселовскому, насчитывалось около 20 тыс. светских феодалов. На протяжении столетия цифра, конечно, несколько возросла и могла достигнуть 25 тыс. человек²⁰. В зимнем походе 1562–1563 гг. русского войска на Полоцк приняли участие, возможно, до 18 тыс. служилых людей «по отечеству»²¹. Примерно такую же цифру привёл и Герберштейн, побывавший в России в первой четверти XVI в. По его данным, ежегодно великий князь Василий III в ожидании нападения войск крымского хана выставлял на южной границе 20 тыс. воинов. Альберт Кампенский в сочинении о России (около 1523–1525 гг.) сообщил, что в Московском княжестве насчитывалось «тридцать тысяч бояр, то есть знатных людей, выступающих на войну конными»²². Примерно таково же было количество служилых людей «по отечеству» в 1632 г.²³

¹⁸ *Копанев А.И.* Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 233–254; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет: (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С. 26–27; *Kaštanov S.M.* Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher für Gechichte Osteuropas. Bd. 43. Wiesbaden, 1995. Hf. 3. S. 321–346.

¹⁹ *Пименова Л.А.* Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство... С. 70; *Гусарова Т.П.* Дворянство Венгрии в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство... С. 184; *Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство... С. 193.

²⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 32; *Бенцианов М.М.* Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 266.

²¹ Приведённая цифра отражает численность поместной конницы, принявшей участие в этом походе (*Курбатов О.А.* Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.» // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2(5–6). С. 109–112).

²² *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. 1. С. 241; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 102.

²³ Государев двор в 1632 г. насчитывал 2 769 человек, служилые корпорации различных уездов – около 25 тыс. (*Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 415–416).

В далеко не самой крупной и густонаселённой стране этого периода — Англии — в XVI в. только эсквайрами себя именовали 40–50 тыс. человек. В последней четверти XVI в. сопоставимой являлась численность дворянства в гораздо более густонаселённой, но разорённой в ходе длительных гражданских войн Франции — от 30 до 50 тыс. Количество испанского и, что для нас особенно важно, польского дворянства была существенно выше. На 1591 г. только в Кастилии насчитывалось 134,2 тыс. дворянских семей, что составляло около 10,2% её населения. Примерно такое же соотношение характерно и для Польши, где шляхта могла составлять от 8 до 10% всех жителей страны (в 1500 г. — 7,5 млн, в 1650 г. — 11 млн) (в прочих государствах Европы дворян было от 1 до 3% от общей численности населения)²⁴. Если это действительно так, то число взрослых польских шляхтичей мужского пола могло в 5–6 раз превышать количество русских служилых людей «по отчеству».

В условиях активизации внешней политики государства великокняжеская власть нуждалась в значительном увеличении армии, ядро которой составляла дворянская конница. Поддержание её на определённом уровне требовалось для обеспечения по меньшей мере военного паритета с главным противником на западных рубежах — Великим княжеством Литовским, нередко имевшим военную поддержку состоявшей с ним в унии Польши с её многочисленной шляхтой. Значительные силы требовались и для несения регулярной — с первой четверти XVI в. ежегодной — службы на границах страны.

В XV в. начался процесс формирования бюрократического аппарата, основу которого до XVII в. составляли выходцы из родов служилых людей «по отчеству». Счёт дьякам и подьячим в XVI в. шёл на сотни²⁵. Ряд представителей служилых родов назначались на административную службу, тем самым отвлекаясь от службы военной. К этому следует прибавить и возросшую «нагрузку» по управлению значительной территорией, что требовало привлечения многих сотен наместников, волостелей и городских воевод, сочетавших воинскую службу с административной²⁶. Несмотря на то что последняя давала им возможность улучшить материальное положение (нередко она рассматривалась как награда за верность на поле боя), она отвлекала значительное число служилых людей от воинской службы.

Как видим, с одной стороны, Россия располагала более малочисленным слоем профессиональных воинов и управленцев, нежели прочие крупные государства Европы. С другой, учитывая размер подведомственной территории и протяжённость границ (особенно южной), социальная «нагрузка» на него оказалась существенно выше, чем в других европейских странах. Именно

---

²⁴ Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI — начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство... С. 25; Пименова Л.А. Дворянство Франции... С. 69–70; Ведюшкин В.А. Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство... С. 101; Дмитриев М.В. Польская шляхта... С. 193–194.

²⁵ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 518–533, 585–636; Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 814–854; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011; Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орёл, 2013; Савосичев А.Ю. Новые верники Грозного царя. Орёл, 2015.

²⁶ О численности и персональном составе этой группы лиц см.: Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000.

поэтому великокняжеская власть рассматривала повышение численности соответствующего социального слоя как свою едва ли не главную внутри- и особенно внешнеполитическую задачу. Не позднее последней четверти XV в. она приступила к осуществлению комплекса мероприятий, направленных на её решение — формированию особой служебной организации. Специально не рассматривая историю её создания и функционирования²⁷, остановлюсь лишь на фактах, которые могли оказать влияние на социальный состав церковной элиты.

Главной среди соответствующих мер, принимаемых в условиях недостаточной развитости товарно-денежных отношений, было создание поместной системы, позволявшей выходцам из мельчающих служилых родов сохранить свой статус и материальное положение. Это являлось необходимым условием для обеспечения армии и государственного аппарата кадрами, с малых лет обученными основам воинского и административного ремесла. По сути, речь шла о заключении взаимовыгодного союза между представителями знати и великокняжеской властью. Первые получали гарантированную властью широко понимаемую «службу» и связанный с ней высокий статус в обществе, вторая — необходимых ей в условиях хронического дефицита людских ресурсов квалифицированных потомственных специалистов.

Во многом этим и определялась ситуация, немислимая в других странах Западной, Центральной и Восточной Европы раннего Нового времени: почти все или большинство «честных мужей» различного статуса поступали на службу к государю, за что получали гарантированное содержание. Для России раннего Нового времени не характерно наличие более или менее значительного числа «безработных» дворян и детей боярских. Конечно, процесс включения в служебную организацию землевладельцев был растянут во времени и имел региональную специфику. До середины XVI в. ещё сохранялись мелкие вотчинники, не служившие великому князю, а находившиеся на службе крупных землевладельцев или не служившие вовсе. По данным писцовых книг, в 1551–1554 гг. значительная часть мелких тверских вотчинников ещё не была обременена обязательной службой русскому государю²⁸. По подсчётам М.М. Крома, из 1173 землевладельцев Тверского уезда лишь 489 служили великому князю; 168 — тверскому епископу и светским лицам, 220 не служили никому²⁹.

Как видим, русский служилый человек «по отечеству» (как, впрочем, и иные, менее привилегированные категории служилых людей) получал социальные гарантии, которых не имел его европейский визави. По мнению Б.Н. Флори, в Московской Руси XVI–XVII вв. сохранились элементы сложившейся ещё в XI–XIII вв. у западных и восточных славян «служебной организа-

²⁷ О формировании и функционировании этой системы во второй половине XV – XVII в. см.: *Рождественский С.В.* Указ. соч.; *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 212–216, 281–325; *Флоря Б.Н.* Служебная организация и её наследие в Московской Руси XVI–XVII вв. // *Zbornik filozofske fakulty University Komenskeho. Historica.* XLIII. Bratislava, 1997. С. 183–188; Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб., 2006; *Бенцианов М.М.* Дети боярские «наугородские помещики»... С. 241–277; *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019; *Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021; *Козляков В.Н.* Служилые люди...

²⁸ *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение... Т. 1. С. 212–213.

²⁹ *Кром М.М.* Частная служба в России XVI века // *Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексева.* М., 2012. С. 427.

ции». Это касалось и иных необходимых государю профессионалов. Примерно 50 слобод (Денежная, Пушкарская, Бронная, Хамовная, Печатных мастеров, Гончарная и др.), подчинённых ряду ведомств (в первую очередь дворцовому) и населённых специалистами, из поколения в поколение обслуживающими нужды русского государя в раннее Новое время, историк сопоставил с категориями зависимого от киевского князя населения XI–XIII вв. (бобровники, бортники). По мнению Флори, в России в XVI–XVII вв. шла «реанимация» «служебной организации», в других странах уже ушедшей в прошлое³⁰. В прочих странах Европы ситуация была иной.

Десятки тысяч безземельных рыцарей в Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени – пожалуй, самый «взрывоопасный» элемент феодального общества, – стремясь поддержать свой если не социальный, то, по крайней мере, материальный статус, были вынуждены отправляться в крестовые походы, в Новый свет, заниматься разбоем, пополнять ряды наёмников или порывать со своей средой.

В раннее Новое время ослабление связей со своей средой – как генеалогических, так и по роду занятий – было характерно не только для младших потомков знатных родов, но и для старших, в той или иной мере сохранявших свои социальные позиции. Например, во второй половине XVI в. 78% аристократических семейств Англии занимались предпринимательством, принимая участие в паевых товариществах, организации горнорудного производства, финансировании торговых компаний или даже пиратства. Разорившиеся английские лорды порой уговаривали состоятельных горожан отдавать дочерей за своих сыновей. Представителей французского дворянства в XV–XVI вв. от участия в коммерции не удерживали даже многократные королевские запреты³¹. Неудивительно, что выходцы из знатных и влиятельных родов Европы, стремясь сохранить дарованный происхождением статус, шли в Церковь, пополняя число аббатов, епископов, кардиналов и римских пап.

В России раннего Нового времени социальных причин для массового исхода аристократов в Церковь не имелось. Благодаря комплексу мероприятий, проводившихся с эпохи Ивана III, возникли условия для удержания их почти всех (в случае с представителями родов «первой строки» – всех) в рамках соответствующей социальной страты. Конечно, какая-то более или менее значительная часть измельчавших вотчинников пополняла штаты слуг более состоятельных светских землевладельцев, а также удельных князей, иерархов Церкви и монастырей. Однако, по сути, род их занятий не менялся: они по-прежнему выполняли преимущественно военно-административные поручения и вместе со своими патронами по первому зову великого князя отправлялись в поход³². В отличие от Гизов, Меттернихов, Гольшанских, Радзивиллов или Борджиа, основным занятием русских аристократов являлась служба государю – военная

---

³⁰ Флоря Б.Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74; Флоря Б.Н. Служебная организация и её наследие... С. 183–188.

³¹ Дмитриева О.В. Английское дворянство... С. 18, 19; Пименова Л.А. Дворянство Франции... С. 66–68.

³² Веселовский С.Б. Феодальное землевладение... Т. 1. С. 221–230; Панях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967. С. 74–78; Пономарёва И.Г. Слуги Троице-Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 85–87; Кром М.М. Частная служба... С. 422–432.

и административная. Очевидно, что в Русском государстве можно говорить о принципиально ином уровне слияния подавляющего большинства «честных» родов со службой (находившиеся на менее «престижной» службе — удельным князьям или иерархам Церкви — лица нередко переходили на службу великому князю, при этом представители одного рода могли одновременно служить как великим, так и удельным князьям³³). Именно этим и обусловлен социальный феномен эпохи раннего Нового времени, не характерный для прочих стран Европы: в последних речь идёт о знати, в России — о *служилой* знати. Если на Западе Европы служба аристократа монарху являлась *привилегией*, то на Востоке стала *обязанностью*³⁴.

Конечно, путь к формированию этого явления русской социальной действительности был непрост. Наряду с борьбой с проявлениями глухого ропота некоторых относительно состоятельных представителей знати (И.Н. Берсень-Беклемишева и иных), недовольных значительным увеличением объёма служебной «нагрузки»³⁵, великокняжеской власти приходилось решать и экономические проблемы. В конце XV — XVI в. она предпринимала титанические усилия для наделения землёй служилых людей, постоянно изыскивая для этого новые возможности. Главным ресурсом являлся фонд «чёрных» земель, которых в Русском государстве в рассматриваемый период имелось существенно больше, чем, например, в Польше³⁶. Использовались и иные источники. В конце XV в. были задействованы ресурсы владычной кафедры недавно присоединённого Новгорода, а также конфискованные вотчины его крупных землевладельцев³⁷. Это дало возможность довести численность новгородских помещиков примерно до 1,3 тыс. человек. В середине XVI в. их насчитывалось уже не менее 4119 (возможно, до 5,5—6 тыс.) человек³⁸.

Дефицит служилых людей был настолько велик, что власти, стремившейся в кратчайшие сроки повысить численность военно-служилой страты общества, пришлось пойти на некоторую генеалогическую девальвацию её статуса. На территории Новгородской земли испомещали не только «честных мужей», но и их располагавших боевым опытом послужилцев (нередко разорившихся выходцев из той же социальной среды), чей статус был ниже (в тот период распустили двory ряда представителей аристократии — кн. Патрикеевых, Рязполовских и др.). В конце XV в. более 10% новгородских помещиков составили представители этого слоя³⁹. В XVI — начале XVII в. испомещали лиц, не

---

³³ Например, Колычевы служили как великому князю, так и старицким князьям (Зимин А.А. Колычевы и русское боярство в XIV—XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 55—71).

³⁴ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 113.

³⁵ Хорошкевич А.Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция — Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 169—173.

³⁶ Флоря Б.Н. Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV—XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4(46). С. 12.

³⁷ В этот период примерно 87% новгородских земельных владений сменили хозяев (Правящая элита Русского государства... С. 158).

³⁸ Бенцианов М.М. Дети боярские «наугородские помещики»... С. 265—266.

³⁹ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... Т. 1. С. 223—230; Панях В.М. Кабальное холопство... С. 74—78; Бенцианов М.М. Дети боярские «наугородские помещики»... С. 251—255.

являвшихся потомственными служилыми людьми, и в других уездах. Лишь после Смуты служилым людям «по отечеству» удалось добиться от правительства запрета на верстание в дети боярские служилых людей «по прибору» и выходцев из податных слоёв населения⁴⁰.

В поместную раздачу «государь всея Руси» был не прочь пустить и немалые монастырские вотчины. На Соборе 1503 г. Иван III поставил вопрос о возможности их конфискации. Однако внезапный недуг (по-видимому, инсульт), сразивший государя в самый разгар напряжённых споров о возможности конфискации владений Церкви, истолкованный как Божья кара⁴¹, снял с повестки эту перспективу. Тем не менее с середины XVI в. правительство ограничивало рост земельных владений Церкви, особенно в последние годы разорительной для служилых землевладельцев Ливонской войны⁴².

Однако оставались и иные ресурсы — как внутренние, так и внешние. О последних красочно писал в 1540-е гг. Иван Пересветов, ратуя за наделение русских «воинников» казанской «подрайской землицей»⁴³. В поместную раздачу стали поступать вотчины, конфискованные у репрессированных лиц. Кроме того, служилые люди получали поместья в недавно присоединённом Среднем Поволжье, а также на территориях Ливонии и Великого княжества Литовского, временно входивших в состав России в годы Ливонской войны. С реалиями формирования поместной системы связаны многочисленные факты землевладения представителей одного рода в различных регионах страны. Согласно наблюдениям Веселовского, на территориях, присоединённых к Русскому государству с конца XV в. (Новгород, Псков, Смоленск, Дорогобуж, Торопец, Великие Луки, Орёл), вотчин почти не было. Львиная доля земель здесь поступила в поместную раздачу⁴⁴.

И всё же внутренних демографических ресурсов не хватало, поэтому с последней четверти XV в. стали системно проводиться мероприятия, направленные на увеличение численности столь необходимого власти социального слоя путём привлечения на службу иноземцев. Если выходцев из стран Европы было сравнительно немного (несколько сотен преимущественно узких специалистов в артиллерии, инженерном деле, градостроительстве и медицине)⁴⁵, то выходцев с Востока (в первую очередь татар) оказалось значительное число. Демонстрируя чудеса политической гибкости и конфессиональной толерантности, власти, не требуя срочного и поголовного крещения, испомещали их как на территории Среднего Поволжья и в Мещере, так и в центральных уездах

⁴⁰ Козляков В.Н. Служилые люди... С. 152, 208.

⁴¹ Усачёв А.С. Об одной аналогии рассказу о болезни Ивана III в 1503 г. // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 343–349.

⁴² Рождественский С.В. Указ. соч. С. 113–120; Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... Т. 1. С. 99–109; Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020. С. 61–62.

⁴³ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 182, 208.

⁴⁴ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... Т. 1. С. 321–326.

⁴⁵ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998; Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

государства, а также в Новгородской земле⁴⁶. Стремясь увеличить численность поместной конницы, правители «Третьего Рима» — главные гаранты чистоты вселенского православия — не останавливались и перед прямым нарушением канонов, воспрещавших отдавать православных в «порабощение» иноверцам (число крестившихся татар на русской службе до середины XVII в. оставалось сравнительно небольшим)⁴⁷. Благодаря этому к концу XVI в. тысячи служилых татар составляли до 10% русской поместной конницы⁴⁸.

Специально не рассматривая очевидных внешнеполитических следствий формирования служебной организации Русского государства (к середине XVI в. этот процесс в целом завершился), зафиксирую важный результат её создания и функционирования: социальные причины для раннего ухода в Церковь у представителей знати отсутствовали. В отдельных случаях имелись причины политические. Например, постриг Вассиана (Патрикеева) обусловила опала кн. Патрикеевых и Ряполовских. Очевидна и связь пострига Филарета (Романова) с опалой Романовых при Борисе Годунове. По тем или иным причинам негодный к военной службе — великому князю, значимому светскому или духовному лицу — служилый человек мог влиться в стремительно разрастающийся бюрократический аппарат. Весьма заманчивые служебные перспективы, гарантированные местничеством, побуждали представителей знатных родов, стремящихся сохранить или повысить свой статус, обращать взор не на Церковь, а на Государев двор, вбиравший в себя многие сотни молодых выходцев из наиболее «честных» родов. Если говорить о представителях самых знатных и влиятельных семейств (кн. Патрикеевы, Бельские, Мстиславские, Воротынские и Шуйские), то своё место в Боярской думе они, по сути, с гарантией получали едва ли не сразу по достижении дееспособного возраста. Занимавший несколько десятилетий и сопряжённый с различными лишениями путь от инока до архиерея в подобной социальной ситуации не являлся заманчивой перспективой для аристократа.

С этим, по крайней мере отчасти, можно связать любопытный демографический казус. Судя по имеющимся отрывочным данным, 11 из 13 архиереев соответствующего происхождения решение об уходе от мира приняли во второй половине XV — первой трети XVI в. Видимо, в Церковь в относительно раннем возрасте в середине — второй половине XVI в. пришли лишь Тихон (Хворостинин) и Варлаам (Пушкин). Трудно удержаться от соблазна связать это с завершением процесса формирования служебной организации в середине XVI в. Во всяком случае, несомненным фактом является резкое снижение интереса к церковной карьере у представителей знати в XVII в. Если в XV—XVI вв. кафедры

---

⁴⁶ *Гурлянд И.Я.* Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1904; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011; *Беляков А.В.* Землевладение ногайских мирз и князей в России второй половины XVI—XVII вв. // Сборник статей по русской истории в честь А.И. Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 85–106; *Селин А.А.* Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI — начало XVII в.) // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 93–110; *Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2(6). С. 236–247.

⁴⁷ *Усачёв А.С.* Состав заказчиков рукописных книг XVI в. и проблемы формирования русской военно-служилой элиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3(77). С. 75–80.

⁴⁸ *Беляков А.В.* «...И бе их столько, еже несть числа»: форум // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2(5–6). С. 127.

занимали, пусть и не слишком часто, выходцы из аристократических родов (кн. Оболенских, Траханиотовых, Колычевых), то в XVII в. представителей сопоставимых по происхождению и социальному весу родов в роли архиереев не оказалось (единственное исключение — вынужденно принявший постриг Филарет Романов). Как число происходящих из этой среды архиереев XVII в., так и их статус в миру были существенно ниже по сравнению с XVI в. Митрополитов тобольского Игнатия (Римского-Корсакова) (1692–1701) и псковского Иосифа (Римского-Корсакова) (1698–1717), а также патриарха Иоакима (Савёлова) (1674–1690) с точки зрения статуса в миру стоит сопоставлять не с кн. Стригиными-Оболенскими или Колычевыми, а скорее со Скрипицыными, Стремоуховыми или Заболоцкими. Выходца из литовско-русского княжеского рода Курцевичей Иосифа, занимавшего Суздальскую кафедру в 1626–1634 гг., впервые на кафедру (Владимирскую и Брестскую) поставили на территории Речи Посполитой (1621)⁴⁹.

На снижение притягательности пути в Церковь представителей знати указывает и характер эволюции социального статуса преподобных. Согласно подсчётам Е.В. Романенко, из 48 преподобных XV–XVI вв., чей статус в миру известен, бояр, детей боярских и дворян было 13 человек, крестьян — 14, простолюдинов — двое, горожан и ремесленников — 10, купцов — пятеро, представителей белого духовенства — четверо. В XVII в. сложилась принципиально иная картина: из 22 преподобных знатными являлись лишь двое, по столько же происходили из среды состоятельных горожан и из купцов, а 16 — из крестьян. Романенко связывает ослабление интереса представителей знати к иноческой жизни с комплексом лишивших их «надёжной перспективы» мероприятий последней четверти XVI в., направленных на ограничение роста монастырского землевладения⁵⁰. На мой взгляд, причина скорее в ином: функционирование созданной во второй половине XV — середине XVI в. служебной организации, гарантировавшей «трудоустройство», высокий статус и материальное обеспечение всех взрослых выходцев мужского пола из соответствующей страты, снижало их потребность в поиске иных социальных полей для самореализации.

Причины ухода в Церковь в раннем возрасте очень немногих представителей знати в рассматриваемый и более ранний период следует искать не в социальной сфере, а в области религиозного сознания. Это наглядно демонстрирует судьба самого знатного архиерея XVI в. — тверского епископа Вассиана (1477–1508) (в миру — кн. Василий Иванович Стригин-Оболенский). Это единственный известный пример того, как знатный человек, занявший в Церкви значимое место, в миру мог рассчитывать на такое же или даже более высокое положение. Потомок черниговских князей, внук и сын ближайших к Василию II и Ивану III бояр, старший сын полководца кн. Ивана Стриги, как показывает судьба его младших братьев, неизбежно занял бы одно из первых мест в Думе. Однако он избрал иной путь и, уходя в Церковь, явно не стремился сохранить или повысить дарованный происхождением и без того высокий

⁴⁹ Устинова И.А. Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (24–25 ноября 2020 г.). М., 2020. С. 58–64.

⁵⁰ Романенко Е.В. Основатели монастырей на Руси: их социальный и образовательный статус (XIV–XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020. С. 37, 38.

статус⁵¹. Сходным образом обстояло дело и с митрополитом Филиппом (Колычевым) (1566–1568). Представитель новгородской ветви «крепкого» старомосковского рода, имевший неплохие служебные перспективы (два его дяди и два двоюродных брата в 1540–1560-е гг. входили в Думу), судя по всему, с юности тяготел к церковной карьере. В зрелом по меркам Средневековья 27-летнем возрасте он ещё не был женат. Это, а также место пострига – отдалённый Соловецкий монастырь, не являвшийся ни обителью элиты, ни «кузницей» архиереев, – убеждает в искренности стремления аристократа уйти от мира⁵².

Резюмируя, отмечу, что относительно невысокая доля аристократов среди русских архиереев XVI в. обусловлена двумя обстоятельствами. В первую очередь, это связано с традициями Русской церкви, заложенными ещё в первые десятилетия её существования под влиянием практики восточного христианства, для которого генеалогическая уния епископата и политической элиты не характерна. Вторым обстоятельством являлась сравнительная малочисленность необходимого русским государям в XV–XVI вв. слоя служилых людей «по отечеству», способных защищать и управлять обширным, но ещё достаточно рыхлым в административном отношении государством. Великокняжеская власть, предпринимая все возможные усилия, чтобы удержать всех или, по крайней мере, большинство представителей «класса служилых землевладельцев» на своей орбите, в целом успешно решала две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, она не допускала их окончательного измельчания, разорения и «вымывания» из соответствующего слоя⁵³, с другой – самыми различными методами накрепко «привязывала» их к служебной организации. Даже отъезды на богомолья (особенно в отдалённые обители) контролировались властью: служилые люди должны были подавать челобитные, отпрашиваясь со службы. Временные отлучки по другим «уважительным» причинам (смерть близкого родственника, пожар в поместье и т.д.) также подлежали согласованию, причём возраст и состояние здоровья вескими причинами для ухода со службы признавались не всегда. Источники содержат сведения о паническом страхе дворян перед неявкой на службу, что в перспективе приводило большинство из них к утрате единственного источника доходов – жалованья и поместья⁵⁴. Демографическая ситуация не оставляла власти выбора – наличие значительного числа свободных от службы потомственных воинов и управленцев для неё являлось nepозволительной роскошью.

Своего апогея процесс прикрепления всех без исключения дворян к службе государю достиг в период правления Петра I. Если его предшественники предпочитали использовать сравнительно «мягкие» механизмы принуждения к службе, повышая поместные и денежные оклады, раскрывая перед провинциальным служилым человеком заманчивую перспективу попадания в состав

---

⁵¹ Усачёв А.С. «Честные и благородные люди» в Русской церкви XV–XVI вв. Особенности самоидентификации // Диалог со временем. Вып. 77. М., 2021. С. 323–324.

⁵² Усачёв А.С. Время и причины ухода Фёдора Колычева в Соловецкий монастырь // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 1. С. 319–334.

⁵³ Это достигалось, в частности, запретами на закабаление детей боярских состоятельными землевладельцами (Панеях В.М. Кабальное холопство... С. 78).

⁵⁴ Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 213–396; Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича (1645 г.) / Публ. Е.Н. Горбатова // Российская генеалогия. Вып. 4. М., 2018. С. 19–98; Козляков В.Н. Служилые люди... С. 161–162, 164, 198.

«выбора» и, соответственно, Государева двора, то Пётр гораздо чаще использовал более жёсткие методы. Под страхом конфискации владений он обязал всех дворян служить с 15 лет, являясь на смотры в ещё более раннем возрасте (лица, информировавшие власти о «нетчиках», получали часть их имущества). Серьёзным «стимулом» к службе являлся и запрет на покупку земельных владений лицами, не располагавшими значимым «стажем» на военной или гражданской службе⁵⁵. Итоги анализа правового — прямо скажем, незавидного — положения дворянства петровской эпохи дали основания Е. В. Анисимову не только задаться вопросом о том, «можно ли назвать господствующим классом-сословием» «забюрократизированное, зарегламентированное дворянство, обязанное учиться, чтобы затем служить, служить и служить», но и дать на него отрицательный ответ⁵⁶. По предположению Н. Н. Петрухинцева, желая развеять возможные иллюзии представителей русской знати относительно их социальных перспектив в рамках «регулярного государства», Пётр I, поначалу использовавший термин «шляхетство», от него отказался. Слишком явные ассоциации с «шляхетскими вольностями» соседней Речи Посполитой «Отцу Отечества» были ни к чему⁵⁷.

Ситуация изменилась лишь во второй половине XVIII в. «Манифест о вольности» дворянства и развившая его основные положения «Жалованная грамота» предоставили дворянам право самим определять свою судьбу. Служба для них стала необязательной. Освобождение дворянства от обязательной службы запустило процесс постепенного выветривания из социальной почвы гумуса, породившего служебную организацию, с известными модификациями функционировавшую со второй половины XV до второй половины XVIII в. Конечно, в силу ограниченности своих имущественных возможностей далеко не все представители благородного сословия поспешили воспользоваться дарованным правом покинуть полки и коллегии⁵⁸. Как правило, службу оставляли состоятельные лица, не удерживаемые её экономическими выгодами. Однако в XVIII в. и позднее после секуляризации и ослабления роли Церкви в обществе духовная карьера их уже не прельщала⁵⁹. Покинувшие службу дворяне сосредоточились на обустройстве имений, светской жизни в салонах, общественной и литературной деятельности⁶⁰.

---

⁵⁵ Анисимов Е. В. *Время петровских реформ*. Л., 1989. С. 304–312; Павленко Н. И. *Пётр Великий*. М., 1990. С. 493–496.

⁵⁶ Анисимов Е. В. *Время петровских реформ*. С. 310–313.

⁵⁷ Петрухинцев Н. Н. *Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 256–281.

⁵⁸ Фаизова И. В. *«Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии*. М., 1999.

⁵⁹ Запальский Г. М. *Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура...* С. 279–287.

⁶⁰ О размывании традиционных ценностных ориентиров дворян и постепенном выходе их аксиологического горизонта за пределы успешной карьеры на службе государю см.: Марасинова Е. Н. *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*. М., 1999.